

Андрея Викторовича

(1978-81.08)

ВИКТОРИЯ АНДРЕЕВА (1942-2002)

Рос. муз. газета - 2002 - № 8 - с. 8

Все знают, как это бывает: встречаешь человека, с которым вроде бы никогда раньше не встречался. Хотя теоретически, как теперь говорят, "по жизни", вы вполне могли знать друг друга. А потом, если отношения с этим человеком находят продолжение, память начинает наполнять совершенно конкретными деталями то, чего не самом деле, может, и не было. Как только в начале 90-х меня представил своей матери Виктории Андреевой ее сын композитор Антон Ровнер, я сразу понял, что мы

с ней уже встречались в этой жизни. И правда, когда в 1963-м я поступил на филфак МГУ, Виктория Андреева уже была студенткой какого-то старшего курса. Как всегда, младшие лучше запоминают старших. Позже, когда я узнал, что Виктория пишет стихи, мне показалось даже, что я помню не только ее живые, такие же точно как тридцать лет назад, глаза, но и знаю этот голос, тоже нисколько за эти годы не изменившийся. Может, мы бывали на одних и тех же заседаниях какого-то тогдашнего литобъединения? Скорее всего, мы просто переговаривались на университетском психодроме — так мы называли скверик на Моховой — не тот, перед теперешним факультетом журналистики, где помпезный памятник Ломоносову, а где — Герцен с Огаревым. Так или иначе, в любой строчке Виктории Андреевой — есть дыхание той эпохи. Мне кажется, что это любой из нас, "младошестидесятников", мог написать: "Ты — формы слепок в лаве естества". Но написала — Виктория Андреева, в конце 60-х вышедшая замуж за философа Аркадия Ровнера и еще несколько лет спустя вместе с ним и четырехлетним сыном Антоном эмигрировавшая в США.

Как литературный критик я давно уже дисквалифицировался и скорее нутром, чем логикой ощущаю, что Андреева-поэт продолжает мандельштамовскую метафизическо-классицистскую линию, отнюдь не характерную для ее поколения. (В 60-е там, на университетском психодроме, подражали больше Пастернаку, втайне завидуя его удачливым adeptам вроде Вознесенского.) Что такое "я в чаще дремучего рая", как не аллюзия на хрестоматийное "я бродил в игрушечной чаще и открыл лазоревый грот"... В эмиграции Виктория Андреева не только продолжала писать стихи и прозу, но и окончила New York University и занялась тем же, чем многие интеллигенты русской диаспоры — изданием журнала, двуязычного альманаха "Гнозис/Gnosis". С 1977 по 1980 год увидело свет восемь номеров "Гнозиса": от других эмигрантских изданий альманах отличался тем, что от художественной литературы шел не в политику, а в мистику и эзотерику. Сборник ситихов самой Андреевой "Сон тверди" вышел и по-русски, и по-английски — в переводах британца Ричарда Маккейна. Согласитесь, далеко не каждый русскоязычный поэт удос-

таивался такого внимания. В 1987 году Андреева написала также прозаический "Телефонный роман" (1987, издан в Вильнюсе в 1996). Удивительно, но замысел, или точнее сказать, основной литературный прием, при помощи которого написан "Телефонный роман", — тот же, что в монодраме "Человеческий голос" Жана Кокто, по которому написана одноименная опера Франсиса Пуленка. Но разница между ними такая же, как между русской культурой и французской... На стихи Андреевой написал вокальный цикл "Светлые сны" для детского хора брянский композитор Марк Белодубровский. Двухтомник "Антология Гнозиса" вышел в 1994 году в питерском издательстве MEDUSA (в нем, кстати, увидела свет и дипломная работа выпускницы филфака Андреевой "Толстой и Фет"). Если судить по "Антологии Гнозиса", музыке в альманахе особого внимания не уделяли. Разве что опубликовали тексты выдающегося литератора и специалиста по музыкальному авангарду Ричарда Костелянетца. Широкую полемику в отечественных литературных кругах вызвала статья Андреевой, написанная совместно с Аркадием Ровне-

ром — "Третья литература". Тем более значительно то обстоятельство, что как только определились творческие склонности сына Аркадия Ровнера и Виктории Андреевой и он прошел курс композиции у последовательного додекафониста Милтона Бэббита, его мать тоже профессионально занялась музыкой, в том числе и музыкальной критикой. К ее суждениям всерьез прислушивались на заседаниях АСМа, научных конференциях консерваторского "Форума", она говорила о роли музыки на собраниях Союза писателей Москвы. Ее статьи и рецензии несколько раз появлялись и на страницах "Российской музыкальной газеты". Виктория Андреева умерла весной этого года, уже неизлечимо больной встретив свое 60-летие. Но остается, как писала она сама:

Мне — белый флаг надежд.
Мне — в поле сирый ветер,
Протянута рука из-под полы
одежд.
Мне — робкие стихи, неверные обеты
и зыбкие мечты передрагсветных звезд.
Д.У.